Александра Юферова

Романтический мастер

Лауреат премии имени А.А. Пластова, Народный художник России Владимир Никитович Телин – последний из великолепной московской четверки (сложилась в далеких 1970-х) друзей-художников: помимо него, в эту группу входили Н.П. Федосов, В.Н. Забелин, В.В. Щербаков. Прозрачность и целостность поступательной творческой эволюции В.Н. Телина, его авторская манера – неисследованный многоуровневый жизнеутверждающий «материк» на живописной карте нашей России.

ГУМ, ЦУМ, Детский мир. 2008
Холст, масло
76 × 80

GUM, TsUM, Children's World. 2008
Oil on canvas
76 × 80 cm

Возвращение. 2007
Холст, масло
80 × 105

The Return. 2007
Oil on canvas
80 × 105 cm

Наивно-притчевая иносказательность характеризует многие произведения художника. Что может быть более житейски-непосредственным, чем нарядно-оживленная, с оттенком лубочной стилизации картина «ГУМ, ЦУМ, Детский Мир»? Поражает ее многокрасочная пластическая целостность, а также характерный для нее затейливо-фольклорный ландшафт древнего московского Китай-города, на фоне которого текут нескончаемые пестрые вереницы колоритных персонажей, приехавших из советской глубинки за столичными пальто и «городскими» сапожками!

Мелодическая инверсия и смысловая гибкость сюжетных линий говорящей живописной пластики – характерная черта как больших, так и самых малых, восходящих к традиции А. Венецианова, Г. Сороки, А. Саврасова и Л. Соломаткина телинских «компонентных жанров», равноправными образными партиями в которых выступают фигурные (крупно стаффажные), пейзажные, натюрмортные, архитектурные и другие мотивы.

Логика развития и авторская пластическая манера действительно кристально прозрачны, но эта прозрачность трудно поддается анализу и обладает способностью вызывать ощущение специфической неопределенности или чего-то рационально необъяснимого. Ведь в зыбкости первичных «неверифицируемых» впечатлений мы неизменно узнаем – обретаем в глубинах собственной души – и некую прочную почву, и надежную точку отсчета. И неспроста, ведь все еще воспитанному на народной сказке и до сих пор не окончательно выпавшему из национальной культурной традиции русскому человеку о многом говорит традиционность сюжетно-изобразительной канвы в работах мастера.

Вглядываясь и вдумываясь в притчево-знаковые реалистические образы В.Н.Телина, все труднее отделаться от ощущения, что его тихий голос действительно необычен. Появление в его творчестве крупноформатных полотен («Добрый человек», «Ночная радуга», «Возвращение») вносит принципиально важные коррективы в устоявшийся в прежние годы хрестоматийный образ автора как художника малых бытовых камерных форм и свидетельствует, что такие полотна, как «Беженцы» или «На воде», отнюдь не были исключением.

Одновременно обращает на себя внимание специфическая сложность, проблемность и значимость творческо-эстетического феномена его «малой жанровой картинки» как авторской формы, возрождающей один из ведущих жанров русской реалистической классики, в советское время сошедший на нет[1]. Ведь само определение метода соцреализма как «изображения действительности в ее революционном порыве» исключало из советских эстетических приоритетов именно тонкость и «камерность» постижения правды жизни. Обновленческий «суровый стиль» эту тенденцию лишь укрепил, преобразовав в некие монументально-символические клише даже самые частные бытовые мотивы. Именно в этих формах «пространства интроспекции» естественно и закономерно начинают появляться в творчестве В.Н. Телина живые, тихие, реальные чудеса.

В творчестве В.Н. Телина – такое количество авторских открытий и актуальных творческих проблем, что в кратком эссе невозможно осветить и проанализировать их. Но из массы самых разнообразных и разносмысловых впечатлений определенно и отчетливо вырастает образ удивительно цельного, щедро талантливого, большого современного русского художника – романтического мастера поколения смены веков и эпох, на долю которого выпадает самая тяжкая из сверхзадач – удержание и возрождение распадающейся живой связи времен.

[1] Составляющие его славу послевоенные полотна А. Пластова, Ю. Кугача, В. Гаврилова, В. Нечитайло, Н. Новикова, А. и С. Ткачевых, В. Сидорова – суть большие и в основной массе «некамерные» жанры.

Alexandra Yuferova

A Romantic Master

The first winner of the Plastov International Prize Vladimir Telin, a People's Artist of Russia, is the last surviving member of the "spectacular Moscow foursome" that emerged in the 1970s, which included Nikita Fedosov, Vyacheslav Zabelin, Vladimir Scherbakov and Telin himself. Telin's transparent and comprehensive creative evolution and his personal artistic style represent an unexplored, versatile and life-affirming "continent" in the landscape of Russian art.

Проводы гостей
2004–2008
Холст, масло. 76 × 80,2
Галерея Арт Прима

Seeing off the Guests
2004-2008
Oil on canvas
76 × 80.2 cm
Art Prima Gallery

Невеста. 1987
Холст, масло
45 × 50

Bride. 1987
Oil on canvas
45 × 50 cm

Many of Telin's works are characterized by their innocent parable and allegory. What could be more everyday and unaffected than his spirited, slightly folksy painting "GUM, TsUM and Detsky Mir" (alluding to the three oldest central shopping malls of Moscow – the State Universal Mall, the Central Universal Mall, and the "Children's World" store)? The viewer is amazed by the painting's striking multicolour, pliable harmony, as well as the characteristic intricate folkloric landscape of Moscow's ancient Kitai-Gorod, the background to endless processions of colourful characters who came to the capital from the Soviet provinces to buy the "big city" coats and boots!

The harmonious inversion and semantic versatility of motifs in Telin's graceful, expressive paintings is characteristic of both his larger- and smaller-scale work (paying hommage to the traditions of Alexei Venetsianov, Grigory Soroka, Alexei Savrasov and Leonid Solomatkin); the paintings of the "component genre" are equally evocative combining as they do decorative secondary landscape, still-life and architectural compositional elements.

The evolutional logic and the artist's style are indeed clear; however, this clarity is not easily analysed, and it can create a feeling of peculiar vagueness, of something not rationally explicable – since the unsteady, initial, and "unverified" impressions invariably lead us to a certain solid ground, a reliable point of reference which we find deep within our souls. This should not come as a surprise – the Russian viewer is still raised on folk and fairy tales and has not entirely lost the connection with the national cultural tradition, making the conventional visual storyline of the artist's paintings powerful.

Contemplating the parables and symbols of Telin's realistic images, it is hard to shake off the feeling that his quiet voice is indeed unique. His newer large-scale canvases, such as "A Kind Man", "Rainbow at Night", and "The Return", significantly alter his previously established textbook image of an artist of small-scale genre paintings, and remind us that such works as "Refugees" and "On the Water" were not exceptions.

At the same time, we cannot help paying attention to the unique complexity, subject matter and relevance of the creative and aesthetic phenomenon that Telin's "small-scale genre paintings" constitute, since through this art form he revives one of the leading genres of Russian realist classical art, which practically disappeared during Soviet times.[1] The very definition of Socialist realism as "showing reality in its revolutionary gust" excluded the subtle and personal quest for the meaning of life from the sphere of Soviet aesthetic priorities. The updated "austere style" only served to solidify this tendency by transforming even the most private everyday motifs into monumental, symbolic clichés. It was those art forms of "introspective space" that naturally and logically lead to the living, quiet, real miracles in Telin's paintings.

There are so many revelations and urgent creative challenges in Telin's art that it is impossible to touch upon or analyse all of them in a brief essay. However, from the abundance of diverse and meaningful impressions, there emerges an image of a remarkably solid, generously gifted, extraordinary contemporary Russian artist, a romantic master at the turn of centuries and eras, and one who was destined to struggle with the most difficult challenges – to maintain and revive the disintegrating link between eras.

[1] The pride of Soviet art, the post-war canvases by Arkady Plastov, Yury Kugach, Vladimir Gavrilov, Vasily Nechitailo, Nikolai Novikov, Alexei Tkachov and Sergei Tkachov, and Valentin Sidorov, are mostly large-scale, not really "personal" paintings.